

Плейлист

First Man — Camilla Cabello	Out of the Woods — Taylor Swift
Lifeline — We Three	Darkest Days — MADI
Sober — Demi Lovato	Boston — Dermot Kennedy
Not About Angels — Birdy	I Feel Like I'm Drowning — Two Feet
All My Friends — Dermot Kennedy	Somewhere With You — Kenny Chesney
A Drop in the Ocean — Ron Pope	Lover — Taylor Swift
when the party's over — Billie Eilish	Hot girl bummer — blackbear
Skinny Love — Birdy	Ocean Eyes (Remix) — Billie Eilish & blackbear
you were good to me — Jeremy Zucker	THAT BITCH — Bea Miller
lovely — Billie Eilish (w/ Khalid)	Rome — Dermot Kennedy
Somebody to Love — OneRepublic	Слушать на «Спотифай»
Outnumbered — Dermot Kennedy	Through the Trees — Low Shoulder
Beside You — 5 Seconds of Summer	Lover (Cover) — Dermot Kennedy
All I Want — A Day to Remember	

Авторская заметка

Привет, читатели!

Эта книга задумывалась как продолжение романа «Весенний флирт», пока я не отказалась от этой затеи и не начала все с нуля. Пожалуй, это было одно из самых безумных решений в этом году. Впереди маячил дедлайн. Я понятия не имела, как начну и уж тем более — как закончу роман. А затем это случилось, что-то щелкнуло. Слова не потекли из меня. Они *ринулись потоком*. Я не смогла бы остановиться, даже если бы попыталась.

Сто сорок пять тысяч слов. Я писала быстрее, чем когда-либо в жизни. В какой-то момент я настолько быстро отправляла главы своей армии бета-ридеров и редакторов, что они не поспевали за мной. ЛОЛ. Настолько много Нэш и Эмери говорили со мной.

Обычно я начинаю роман, точно зная, что хочу донести до читателей. Но в этот раз идея начала расплываться и превратилась в нечто совершенно другое.

Судьба. Я так часто слышала это слово, я знаю, что оно означает, я узнаю его, когда вижу. И все же что мне известно о нем на самом деле?

Писать о двоих, чьи жизни во многом схожи, было непросто, ведь я хотела, чтобы все выглядело правдиво.

Паркер С. Хантингтон

Так я обнаружила, что ищу другое значение у слова «судьба» — нахожу его в мелочах, а не в тех грандиозных масштабах, о которых часто говорят люди.

И всякий раз, спрашивая себя: «Судьба ли это?» — я также задаюсь вопросом, нет ли тут какого-нибудь урока. К тому моменту, как я завершила книгу, я поняла, что это не важно. Цитируя Лемони Сникета:

«Судьба — словно редко посещаемый ресторан, полный странных маленьких официантов, которые приносят вам то, чего вы не заказывали, и то, что может вам не понравиться».

Жизнь обрушивает на вас столько всего, но вы по-прежнему отвечаете за свои решения. Нэш и Эмери научили меня выбирать то, что сделает меня счастливой. Надеюсь, они научат этому и вас.

Люди всегда будут осуждать. На это повлиять невозможно. Сосредоточьтесь на том, на что вы *можете* влиять.

В конце концов, единственные, кто имеет значение, это вы и те, кому вы небезразличны. Не судьба определяет, как вы относитесь к ним и ставите ли вы их на первое место. Это определяете вы.

Последнее: я надеюсь, что вам понравится книга. Эти двое заняли особое место в моем сердце, поскольку стали первыми персонажами, не связанными с предыдущими историями.

С огромной-огромной любовью,
Паркер

Предисловие

В далеком королевстве две принцессы жили в одном замке. Принцесса Лили носила белые платья, усыпанные тюльпанами, работала волонтером и читала романы при каждой возможности. Принцесса Селия, одетая во все черное, изолировала себя от королевства и включала громкую музыку, так что все охранники отказались защищать ее.

После засухи, длившейся год, ведьма пообещала спасти королевство, если самая злая из принцесс сдастся ей. Подданные потребовали, чтобы сдалась принцесса Селия. Когда она отказалась, они связали ее и доставили к дверям ведьмы. Но засуха не прекратилась.

— Мы выполнили твои требования, теперь ты выполнишь наши, — сказал потрясенный король.

— Это не самая злая из принцесс — ответила ведьма, — видите ли, принцесса Лили хранила мрачную тайну. Книги, которые она читала, были пиратскими.

Король привез принцессу Лили, ведьма избавила королевство от засухи. И все, кроме принцессы Лили, счастливо жили до конца своих дней. Мораль истории: не будьте принцессой Лили.

Хло, Бау, Роуз и Л. Моим любимым.

Паркер С. Хантингтон

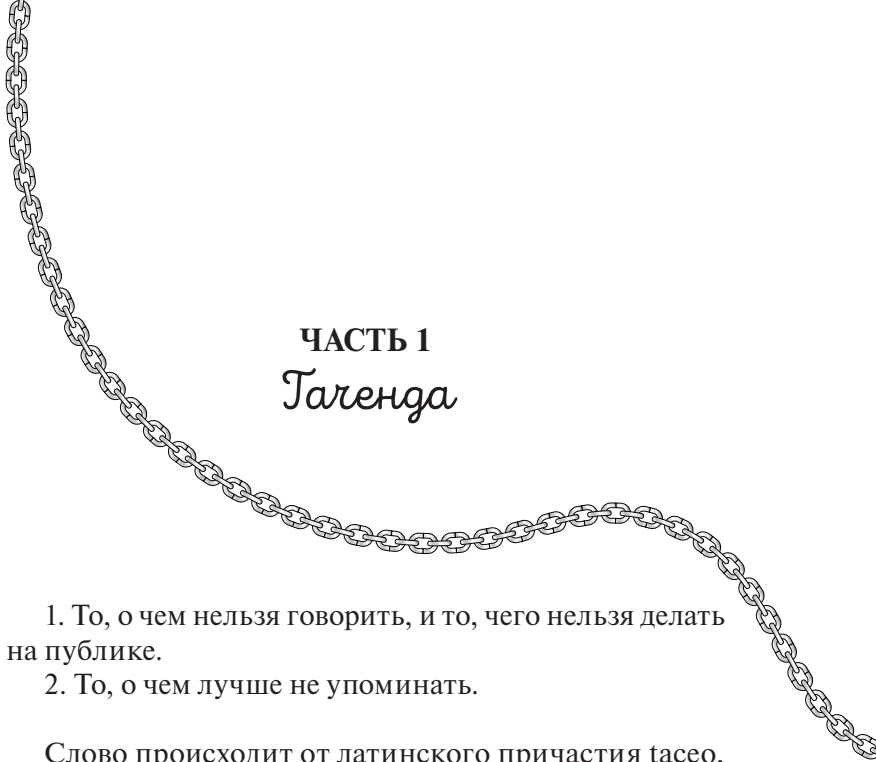
Злым принцессам, предпочитающим ножи серебряным ложечкам.

Моему племени воинов, убивающих драконов: Аве Харрисон, Хайди Джонсу, Хизер Паллок, Ли Шену, Харло Рею, Бриттани Уэбб, Дезире Кетчум и Джемме Вулли.

Спасибо вам за то, что вы ужаснулись, когда я озвучила вам свой дедлайн, а потом взяли себя в руки и помогли мне добиться успеха. Эта книга не существовала бы без вас.

Судьба (существительное) — развитие событий, неподконтрольное человеку, иногда считается предопределенной сверхъестественными силами.

Судьба нашептывает воину: «Тебе не устоять против бури» — и воин шепчет в ответ: «Я и есть буря».

ЧАСТЬ 1

Таленда

1. То, о чем нельзя говорить, и то, чего нельзя делать на публике.
2. То, о чем лучше не упоминать.

Слово происходит от латинского причастия тасео, обозначающего «я молчу». Тасео — это также глагол, означающий «я неподвижен или отдыхаю».

Тасео напоминает: молчание — не признак слабости. Это признак покоя, уверенности, удовлетворения.

Молчание — лучший ответ тем, кто не заслуживает ваших слов.

Глава 1

Нэши

У меня была привычка трогать то, что мне не принадлежит.

Степфордские жены из Истриджа, штат Северная Каролина, умоляли меня сыграть роль скверного мальчишки из неблагополучного района. Если бы мне давали доллар за каждый раз, когда жена, чуть старше двадцати, «для выходов в свет» прибежала ко мне после того, как ее муж, шестидесяти с небольшим, уезжал «по делам», я бы не оказался в такой ситуации.

В моменты, когда я чувствовал раздражение, пресыщаясь дизайном того-сего, десятичасовой работой, которой занимался каждый день, чтобы оплатить кредит на обучение в аспирантуре, тем, что мать, имея всего лишь пару изношенных кроссовок «Нью Баланс», по-прежнему находила пару лишних баксов для церковной кружки, я бы не отказался от пары степфордских жен.

«Секс из ненависти» — был бы достойным термином, но никто никогда не мог упрекнуть меня в том, что я веду себя недостойно.

Их падчерицы, практически того же возраста, что и они, приходили ко мне, текущие и жаждущие, в поисках того, чем можно было бы похвастаться перед подругами.

Я не отказывал им, хотя мне они нравились меньше. Они искали развлечений, тогда как их мачехи жаждали спасения. Одни были расчетливы, другие — необузданны.

И, несмотря на то, как сильно я ненавидел этот город и его обитателей в винарах от «Мидас», которыми они красовались, словно норковой шубой, я никогда не заходил настолько далеко, чтобы оставить себе то, к чему притронулся. Так было вплоть до сегодняшнего вечера и грессбуха, который я украл у босса моих родителей, Гидеона Уинтропа.

Гидеон Уинтроп — предприниматель, миллиардер, человек, который практически управлял Истриджем, и кусок дерьма.

На посеребренном мраморе особняка Гидеона была установлена серебряная статуя Диониса верхом на тигре, выполненного из электрума и золота. На лапах тигра скульптор изобразил последователей божественного культа, и это удивительно напоминало культ богатства Истриджа.

Я спрятался за четвероногой тварью, сунув руки в рваные джинсы, подслушивая разговор Гидеона Уинтропа с его деловым партнером, Бальгазаром Ван Дореном.

Хотя они прохлаждались в кабинете, куря дорогие сигары, голос Гидеона гремел из открытой двери в фойе, где я стоял, прислонившись к тигриной заднице. Прячься, поскольку секреты в Истридже — это валюта.

Я не планировал шпионить в этот свой еженедельный визит к родителям, но жена Гидеона любила угрожать маме и папе увольнением. Было бы неплохо хоть раз взять над ней верх.

— Слишком много денег ушло. — Гидеон отхлебнул из стакана. — «Уинтроп Текстиль» рухнет. Может, не завтра и не послезавтра, но это случится.

Паркер С. Хантингтон

— Гидеон.

Он перебил Бальтазара:

— С закрытием предприятия все, кого мы нанимаем, весь чертов город потеряет работу. И сбережения, которые они в нас вложили. Все.

Перевожу: мои родители останутся без работы, без дома и без денег.

— Пока нет доказательств растраты... — начал Бальтазар, но я не стал задерживаться, чтобы услышать остальное.

Подонки.

Отец с матерью все свои сбережения вложили в акции «Уинтроп Текстиль». Если компания рухнет, рухнут и их накопления.

Я вышел из фойе так же тихо, как и пришел, проскользнув мимо кухни в прачечную Уинтропов, где ма оставила старый костюм, подаренный мне Гидеоном для сегодняшнего котильона.

Я надел его, остановился у кладовой и сунул косяк, конфискованный на прошлой неделе у помешанной на селфи школьной подружки моего брата Рида, во внешний карман чемодана, который Гидеон брал в свои деловые поездки. Маленький подарок Администрации транспортной безопасности. А еще говорят, будто я безжалостен.

После того как Гидеон, наконец, уехал на котильон своей дочери, я, не раздумывая, пробрался в его кабинет, чтобы обыскать его. Восемь лет назад, когда моя семья переехала в коттедж на краю поместья Уинтропов, я поставил себе цель — завладеть каждым ключом, каждым паролем, каждым секретом этого особняка.

Ма управляла домом, тогда как па поддерживал порядок на территории. Изготовить копии их ключей не составило труда. Однако, чтобы добыть пароль к сейфу

Коварная ложка

в офисе, пришлось придумать правдоподобную игру для Рида и его лучшей подруги, дочери Гидеона.

Я ввел код и просмотрел содержимое сейфа: паспорта, свидетельства о рождении и карточки социального страхования. *Скукота*. В ящиках стола не было ничего интересного, кроме досье сотрудников. Я целиком вынул верхний ящик и ощупал паз.

Я как раз заканчивал свои поиски, когда мои пальцы коснулись маслянистой кожи.

Отодрав клейкую ленту, я вцепился в кожу и вытащил ее из дыры. Поднесенный к свету, журнал мог похвастаться пылью на обложке и ничем больше. Ни названия. Ни бренда. Ни логотипа.

Я открыл его, окинув взглядом ряды букв и цифр. Кто-то вел двойную бухгалтерию.

Гроссбух.

Рычаг.

Доказательство.

Разрушение.

Я не чувствовал вины, крадя то, что мне не принадлежало. Не в тот момент, когда владелец этой вещи мог уничтожить все, а мои родители находились под ударом. Одетый в костюм Гидеона, выходя из его особняка с его гроссбухом, спрятанным во внутреннем кармане, я выглядел, как настоящий житель Истриджа.

Когда ма позвонила, я ничего ей не сказал, пока она умоляла меня:

— Пожалуйста, Нэш. Пожалуйста, не устраивай сегодня сцен. Ты там, чтобы отвезти Рида домой, если что-то пойдет не так. Ты знаешь, как ведут себя истриджские детки. Ты ведь не хочешь, чтобы у твоего брата были проблемы.

Перевод: богатые детки напиваются, находят неприятности, а парень в подержанной униформе и с академической стипендией берет вину на себя. Старо как мир.

Паркер С. Хантингтон

Я мог бы признаться во всем тогда, рассказать маме о том, что сделал Гидеон.

Я не стал.

Я был Сизифом.

Умелым.

Лживым.

Вором.

Я не пытался обмануть смерть, я украл у Уинтропа.

Оказалось, это гораздо опаснее. Мне, в отличие от Сизифа, не грозила вечная кара за мои грехи.

Гроссбух был не тяжелее тощей книжки в мягкой обложке, но, когда я пробирался меж столами в бальном зале, он давил на мой карман, заставляя задуматься, что делать мне с тем, что я узнал.

Я мог передать его соответствующим органам и уничтожить Уинтропов, предупредив родителей, чтобы они нашли новую работу и продали акции «Уинтроп Текстиль», или же оставить эти знания при себе.

И я предпочел второе, пока не составлю план. Море одетых в костюмы бизнесменов и женщин с маникюром — рожденных, выросших и воспитанных в Истридже, штат Северная Каролина, чтобы стать всего лишь «женой для светских раутов», — сливались в одну сплошную массу. Никто из них не вызывал у меня интереса.

Но все же я проводил ладонью по обнаженной спине степфордской жены, чтобы отвлечься от факта, что я украл нечто у самого могущественного человека Северной Каролины, одного из самых могущественных людей Америки.

От моего прикосновения губы Катрины приоткрылись, она судорожно вздохнула, так, что Вирджиния Уинтроп бросила в мою сторону ледяной взгляд. За своим столиком падчерица Катрины, Бэзил, яростно вонзила нож в свой бледный премиальный стейк от

Коварная ложка

«Кобе», не сводя глаз с кончиков моих пальцев, поглаживающих обнаженную спину Катрин.

Стейк напомнил мне о моем младшем брате: блестящем снаружи, полном крови и готовом лопнуть от малейшего надреза. Тем не менее его взбалмошная подружка не станет первой, кто его попробует.

Как только Рид вынет голову из задницы и поймет, что Эмери Уинтроп влюблена в него, она заполучит его сердце.

Девушки вроде Бэзил Беркшир — пит-стопы. Они наполняют тебя горючим и помогают в дороге, но не они конечный пункт назначения.

Девушки вроде Эмери Уинтроп были финишной прямой, целью, ради которой трудишься, местом, которого стремишься достичь, улыбкой, которую видишь, закрывая глаза и спрашивая себя, ради чего стараться.

Риду было всего пятнадцать. У него было время, чтобы узнать все это.

— За детским столиком есть место, — предложила Вирджиния, держа двумя пальцами бокал с винтажным брютом «Крюг».

Она напоминала статую Геры, которую мой отец, по ее настоянию, поставил в центре зеленого лабиринта на заднем дворе Уинтропов. Бледная красавица, застывшая возвышающейся стройной фигурой. Вирджиния выпрямляла свои светлые волосы так, что они стали зеркальным отражением бамбуковых шпажек, касающихся ее плеч.

Блестящие пряди качнулись, когда она кивнула на стол, за которым сидела ее дочь. Дочь, которую она превратила в свою точную копию. Но у Эмери были свои особенности, проскальзывавшие порой, словно солнечный свет, проникающий в тюремную камеру через единственную расщелину в стене.

Выразительное лицо.

Паркер С. Хантингтон

Слишком большие глаза.

Необычная серая радужка была заметна только вблизи, но я однажды подслушал, как Вирджиния требовала от дочери скрывать ее цветными линзами, повторяющими цвет ее собственных голубых глаз. Даже сидя на одном уровне с Катриной, Вирджиния все равно как-то умудрилась взглянуть на нее свысока, бросив мне:

— Можешь сесть за детским столом.

Мой палец дернулся в искушении трахнуть Катрину за «столом для взрослых», чтобы спровоцировать ее, поскольку я не сомневался: Вирджиния принимала участие в растратах своего мужа. Если Гидеон Уинтроп был главой «Уинтроп Текстиль», то Вирджиния Уинтроп была его шеей, крутящейся, как ей заблагорассудится.

Я сдержался, поскольку в моей голове эхом звучали мольбы мамы.

«Не устраивай сцен».

Легче сказать, чем сделать.

Не сказав ни слова, я развернулся и занял место между Ридом и кавалером Эмери, Эйблом Картрайтом. Эйбл казался таким же скользким, как и его отец — адвокат. Черные глаза-бусинки и светлые волосы, зачесанные назад, будто он пришел с прослушивания на роль стервятника во второсортном фильме Лоуренса Хантингтона.

— Братишка. Эмери, — я кивнул Риду и Эмери, затем изогнул бровь в сторону остального стола, где несколько подростков отчаянно пытались скрыть возраст под пятью фунтами косметики. — Малолетки.

Раскрасневшиеся щеки Бэзил контрастировали с почти белыми волосами. На ней было достаточно духов, чтобы окурить целый спортзал. Они убили мои обонятельные рецепторы, когда она склонилась ко мне и захихикала в ладонь.

— О, Нэш, ты такой забавный.

Коварная ложка

Я отвернулся от нее, эффектно окончив разговор. Принялся изучать Эмери, находящуюся через одно место от меня. Она сидела, нахмутив брови и сложив руки на коленях, пытаясь развернуть мини-шоколадку «Сникерс», не привлекая внимания к контрабандным конфетам.

Я задался вопросом: знает ли она, что задумали ее родители?

Вероятно, нет.

Ма однажды сказала мне, что люди хотят поступать правильно.

— Это человеческий инстинкт, — сказала она, — стремиться правильно поступать с другими, угождать другим, нести радость.

Милая, наивная Бетти Прескотт.

Дочь священника, она выросла, проводя свободное время за изучением Библии, и вышла замуж за алтарного служку. Я жил в реальном мире, где богатые засранцы трахали людишек в задницу без смазки и ожидали, что после этого их поблагодарят.

Отец Эмери? Он умел держать фасад. Благотворительность, волонтерство, солнечная улыбка. Когда-то я считал Гидеона другим. И посмотрите, как я ошибался.

Но Эмери Уинтроп... Из-за нее я задумался, что делать с гроссбухом в кармане. Она все усложняла.

Не то чтобы я был особо привязан к ней. За последние восемь лет мы разговаривали, может, пару раз, но я любил Рида, а Эмери знала лучше всех, как любить Рида.

Все свое детство она делилась с ним деньгами на ланч и нанимала ради него репетитора, который ей вовсе не был нужен. Дерьмовая школа, из которой мы перевелись, оставила Рида с отставанием почти в два класса. Даже в семь лет Эмери понимала, что единственный способ нанять репетитора для моего брата — притвориться,

Паркер С. Хантингтон

будто репетитор нужен ей, чтобы родители оплачивали эти уроки.

Все, что ранит Эмери, ранит и Рида. Простая математика. И как бы я ни был измучен, как бы ни ненавидел Истридж и людей в этом бальном зале, я не ненавидел девушку, преданную до безрассудства, девушку с тысячелетней мудростью, накопленной к всего лишь пятнадцати годам, девушку, которая любила моего младшего брата.

— Эмери, — начала Бэзил после того, как я проигнорировал ее. — Я слышала о твоём провале в классе Шнауцера. Лентяйка.

Шнауцер. Откуда я знаю это имя?

Рид склонился к Бэзил, понизив голос до шепота, который мог услышать каждый.

— Это невежливо, дорогая, — у него и так был северо-каролинский акцент, но он каким-то образом умудрился усилить его.

— Слышите этот шум? — Эмери склонила голову набок. Сдвинула брови в притворной сосредоточенности.

Эйбл склонился к Эмери.

— Какой шум?

— Раздражающее жужжание.

— Похоже на комара, — предположил я, склонившись над Картрайтом, выхватив мини-сникерс из пальцев Эмери и сунув его в рот.

— Нет, это не комар, — она отблагодарила меня блеском в глазах. Мимолетный салют солидарности, прежде чем перевести взгляд на Бэзил. Она была убийственна, — всего лишь Бэзил.

Бэзил дернулась вперед в тот момент, когда я вспомнил, кто такой Шнауцер, и прервал ту глупость, которую она собиралась извергнуть.

— Это не Дик Шнауцер, замещающий учитель химии? Ублюдок, ставящий отлично лишь за минет. А те,

Коварная ложка

кто не соглашается, те, ну... — Я вскинул бровь в сторону Бээзил. — Эй, а у тебя ведь отлично по химии, так?

Взгляд Бээзил обратился к Риду. Она ждала, что он защитит ее. Он переводил взгляд с меня на Бээзил и Эмери так беспомощно, что я невольно задался вопросом, родные ли мы братья. Но, возможно, за ним присматривала высшая сила, потому что Вирджиния выбрала этот момент, чтобы вторгнуться за наш стол.

Ее глаза скользнули по нетронутым холодным супам с укропом, как будто те свидетельствовали о ее некомпетентности в качестве председателя «Общества молодежи Истриджа». Возможно, так оно и было, поскольку ни один здравомыслящий человек, взглянув на меню, не скажет: «Я бы хотел холодного супа с укропом, пожалуйста».

— Эмери, дорогая, — она повернулась к дочери и заправила ей за ухо выбившуюся из прически прядь. Словно в живом продолжении фильма «Вторжение похитителей тел», у Вирджинии была целая команда стилистов, создававшая идеальный в ее понимании образ Эмери.

Прежде чем я уехал из Истриджа учиться в аспирантуре, я многие годы жил в коттедже моей семьи: с самого поступления в Истриджскую подготовительную школу и вплоть до тех четырех лет, которые я, экономя деньги, потратил на поездки в государственный университет.

Достаточно, чтобы стать многочасовым свидетелем того, как Эмери выщипывали, окрашивали, преобразовали в такое тело, в которое могла бы переселиться Вирджиния... Или что там она планировала для своей дочери. Вероятно, уморить ее высшим обществом Истриджа.

— Да, мама? — Эмери не смотрела на мать с любовью. Она смотрела на нее со смирением. Взглядом, которым ты смотришь на копа, который тормозит тебя

Паркер С. Хантингтон

за превышение скорости на пять миль. Презрение, прикрытое вежливостью.

Клянусь, тот слабенький внутренний стержень, который был у Рида, появился благодаря близости с Эмери.

— Будь добра, сбегай для меня в офис? — Вирджиния лизнула большой палец и смахнула со лба Эмери выбившуюся прядь волос. — Мне нужна тиара, короновать дебютантку года.

Дебютантка года. Как будто кому-то был нужен этот титул.

Взгляд Эмери метнулся от Рида к Бэзил настолько очевидно, что я не смог удержаться от смеха. Она хмуро взглянула на меня, затем повернулась к Вирджинии.

— А ты не можешь попросить кого-нибудь из обслуги?

— О. — Вирджиния вцепилась в жемчуг, сдавливавший ее шею. — Не глупи. Как будто я доверю обслуге код от сейфа.

— Но...

— Эмери, мне что, послать тебя на урок этикета к мисс Чатни?

Мисс Чатни была строгой, жестокой дамой, которая делала из девочек Истриджа женщин с трусами «Ла Перла» в заднице. Синяков она не оставляла, но ходили слухи, что она расхаживает с линейкой, которой хлопает по запястьям, шеем и любой чувствительной плоти, до которой может дотянуться.

Эйбл отодвинул стул.

— Я могу принести ее, миссис Уинтроп.

— Прекрасная мысль! — проворковала Вирджиния. — Эйбл пойдет с тобой, Эмери. А теперь беги. — Лицо Вирджинии оставалось застывшим, будто кто-то подмешал ей в ботокс клея.

Эмери распахнула глаза в раздражении. Серый взгляд потемнел, а голубой стал ярче. Она пробормотала

Коварная ложь

несколько слов, которых я не смог разобрать, но звучали они зло. На секунду мне показалось, что сейчас она меня удивит.

На самом деле что-то внутри меня хотело, чтобы она удивила меня, чтобы восстановить веру в мир, в котором такие как Гидеон торжествуют над Хэнком и Бетти Пресскотт.

Но Эмери отодвинула стул и позволила Эйблу взять себя под руку, будто у нас восемнадцатый век и ей нужен чертов эскорт, чтобы пойти куда-то. Вызов исчез из ее взгляда.

В этот момент она совсем не была похожа на ту восьмилетнюю девочку, которая ударила Эйбла по лицу за то, что он украл ланч у Рида.

Я с отстраненным интересом наблюдал, как Эмери подчиняется воле Вирджинии.

Она ничем не отличалась от остального чертова Истриджа.

Иногда я задавалась вопросом: может быть, Истридж — это не маленький провинциальный городок в Северной Каролине, а круг ада Данте? Преисподняя. У этой теории была единственная проблема — жители Истриджа не ограничивались одним грехом.

Похоть.

Чревоугодие.

Алчность.

Гнев.

Насилие.

Мошенничество.

Предательство.

Даже ересь, если уж быть совсем откровенной. Большинство жителей Истриджа, возможно, и причисляют себя к христианам, но, безусловно, ведут себя не по-христиански, задирая нос, когда помогают другой половине Истриджа: половине, которая до сих пор спит в домах, поврежденных два года назад ураганом; половине, у которой зарплата, получаемой на папиной текстильной фабрике, хватает лишь на еду.

Возьмем для примера сегодняшний вечер. Котильоны представляют дебютанток обществу, но все мы живем здесь с самого рождения. Эти котильоны нужны нам, как прошлогодний снег.

Коварная ложка

Бутылка бурбона чуть не грохнулась из бара папы, но Эйбл поймал ее и поднял так, будто собирался опрокинуть.

— Я выпью?

— Делай что хочешь, — пробормотала я, наклоняясь, чтобы добраться до стенного сейфа, расположенного за столом.

Я все еще не была уверена, отцовский это кабинет или матери, но они впились когтями во все в Истридже. Даже в «Общество молодежи Истриджа», ответвление «Истриджского деревенского клуба».

Эйбл позади меня сделал добрый глоток бурбона. Я набрала код, который мама шепнула мне несколько минут назад. Звук его шагов по деревянному полу я слышала прежде, чем его рука легла мне на спину.

Я оттолкнула ее, легонько шлепнув.

— Извини, я ввожу код. Отвернись.

Я выругалась, набрав не ту комбинацию. Пришлось вводить заново.

Звук глотков Эйбла, высасывающего бутылку, словно новый член студенческого братства, наполнил комнату.

— Да ладно, Эм, не будь такой.

Голосом Адама Сэндлера из «Никки, дьявол-младший» я могла бы привести тысячу и одну причину, по которой Эйбл не мог найти подругу, чтобы зажить нормально. Он был моим парнем потому, что его отец был адвокатом моего отца, кроме того, он противостоял всем приказам моей матери, постоянно изматывавшей меня попытками подчинить себе.

«Покрась волосы в мой цвет».

«Может, еще одна жидкая диета избавит тебя от детского жирка».

«Ты пригласишь на котильон Эйбла Картрайта, не так ли?»

«Будь умницей, принеси тиару».

Паркер С. Хантингтон

Вероятно, единственное разумное требование, предьявленное мне за последнее время.

Я прикусила язык и сделала, как она хотела, потому что мои планы на университет и карьеру в дизайне требовали денег. Как лицо, распоряжающееся моим трастовым фондом, мать могла оставить меня на мели.

Тем не менее молчаливые протесты были моим хлебом насущным. Надеть платье с пятном. Взять вилку для выпечки вместо вилки для рыбы. Говорить странные фразы в неподходящий момент. Все что угодно, лишь бы вздулась извивающаяся жилка на виске матери.

— Меня зовут Эмери, — поправила я, проклиная мамин выбор моих друзей. — Отвернись.

— Ладно. — Он закатил глаза. Я уже чувствовала запах перегара из его рта. — Но это отстой.

Не. Должна. Огрызаться.

Я смахнула с лица прядь волос и попробовала другую комбинацию.

«Код — день твоего рождения, моя сладкая», твою мать.

Следовало догадаться, что мать понятия не имеет, когда у меня день рождения.

— Это котильон, Эйбл. — Я вбила дату рождения отца, но экран дважды моргнул красным, дразня меня. — На нем не должно быть весело.

Папа называл это «жизненно важным общением», сочувственно глядя, как парикмахер укрощает мои волосы с помощью того, что можно было описать только как «инструмент для укрощения диких животных».

Мать не утруждала себя фальшивыми извинениями, напомнив стилисту подкрасить мои «кошмарные» темные корни и добавить «больше света», чтобы мой оттенок волос точно соответствовал ее блонду.

— Эмери, — простонал Эйбл. Я наконец ввела верный код — день рождения матери — и вынула тиару вместе с ее бархатной коробкой. — Давай уйдем отсюда. Мои

Коварная ложка

родители останутся здесь — развлекать влиятельных людей Истриджа.

Он наклонился ближе, его насыщенное запахом бурбона дыхание ласкало мою щеку и шею.

— Мой особняк будет в полном нашем распоряжении.

— Ты имеешь в виду особняк твоего отца? — Я выпрямилась и шагнула назад, когда осознала, насколько близко он стоял. — Можешь идти домой. А я должна остаться.

Мой разум обожгло воспоминание о пальцах Бэзил, стискивающих бедро Рида. Мы ели суп. Кто лапает чужие бедра за холодным супом из укропа? Я не оставляю эту ненормальную наедине со своим лучшим другом.

— Детка...

— Эмери. — Я покачала головой. — Просто Эмери. Не Эм. Не «детка». Не «Эмери» плаксивым тоном. Не «Эмери» со стоном. Просто. Эмери.

Я увернулась влево, чтобы проскользнуть мимо него, но его ладони врезались в стену по обе стороны от меня, заключая меня в клетку.

— Хорошо. Ну, давай же, просто Эмери.

Мои конечности сковал приступ страха. Я избавилась от него так же быстро, как он появился.

— Отойди.

Он не тронулся.

— Отойди, — вновь потребовала я. На этот раз тверже.

По-прежнему ничего.

Я закатила глаза и толкнула его в грудь, стараясь сохранить спокойствие, но двести фунтов южного полузащитника не сдвинулись с места.

— От тебя несет, как от пивоварни, твои подмышки тоже воняют, и я бы предпочла вернуться на гребаный котильон, чем оставаться тут.

Когда он прищурился, я переосмыслила свои слова и тот миллионный раз, когда мой длинный язык довел

Паркер С. Хантингтон

меня до беды. Я знаю Эйбла всю свою жизнь. Он не причинит мне вреда. Так ведь?

— Слушай, — начала я, блуждая взглядом по комнате в поисках того, что могло бы спасти меня. Ничего. — Я должна принести эту тиару, иначе моя мать взбесится и пошлет за мной всех.

Ложь.

Мать больше всего хотела, чтобы я вышла за Эйбла и нарожала двух-трех голубоглазых блондинистых детишек. Пусть даже ради этого ее пятнадцатилетней дочери придется прелюбодействовать в кабинете молодежного общества.

Я усмехнулась, как будто меня совершенно не волновало то, что Эйбл еще одним шагом сократил расстояние и прижался ко мне всем своим телом. Алкоголь в его дыхании мог усыпить слона. Я не чувствовала ничего больше, когда он склонился и запечатлел небрежный, влажный поцелуй на кончике моего носа. Его слюна попала мне в ноздри, и я никогда не чувствовала ничего более отвратительного.

Мой взгляд метнулся к бутылке бурбона на столе позади него. Там почти ничего не осталось. Я молилась всем высшим силам, какие только есть, чтобы Эйбл пришел в себя, чтобы он не потерял головы.

— Это не смешно, Эйбл.

Я толкнула его снова, но это было бесполезно. Я весила едва ли сотню фунтов, а он — вдвое больше. Я открыла рот, чтобы закричать, но он закрыл его своей мясистой ладонью, прижавшись к моему животу стояком.

Борись, Эмери. Ты можешь.

Я пыталась.

Я брыкалась.

Я царапала его ногтями.

Я кричала, пусть даже его рука заглушала мои крики.

В отчаянии я как можно глубже вонзила зубы в мясистую часть его ладони. Он выругался и отпустил меня

Коварная ложка

настолько, чтобы я успела отбежать на два шага, прежде чем он обхватил рукой мою талию и прижал к себе.

Моя обнаженная спина соприкоснулась с гранитными мускулами. Он протащил меня к столу и нагнул над ним. Мои ладони громко шлепнули по красному дереву. Я едва успела подставить их под голову, чтобы смягчить удар. Это не особо помогло.

В глазах помутнело. Я все еще ничего не могла разглядеть, когда Эйбл разорвал мое платье сзади и начал осыпать мое тело тошнотворными поцелуями. От них по моей коже расплывались замысловатые созвездия из слюны.

Крик застрял в моем горле. Я могла бы кричать, но мы были слишком далеко, чтобы меня кто-то услышал, и он бы снова зажал мне рот.

Сменив тактику, я взмолилась:

— Губы.

— Хм?

Его язык прокладывал дорожку вдоль моего позвоночника.

— Губы. Поцелуй меня в губы.

Эйбл перевернул меня и воткнулся своей эрекцией мне в живот.

— Эмери Уинтроп. Так жаждет угодить. Кто бы мог подумать? — Он позволил мне провести рукой по его волосам, когда я потянулась навстречу его поцелую, привстав на носочках, чтобы достать до его губ, невзирая на свой рост. Он застонал мне в губы, одна его ладонь расположилась на моей заднице, другой он отчаянно пытался расстегнуть молнию на брюках.

Я накрыла его неловкие пальцы своими, отодвинув их в сторону, и потянула вниз молнию его брюк. Когда они упали у его ног вместе с трусами, я ударила его коленом по яйцам так сильно, как только могла.

Шок исказил его лицо. Я воспользовалась возможностью снова ударить его. Я отказывалась быть девушкой

Паркер С. Хантингтон

из фильма ужасов, которая умерла потому, что не решилась убить. Я не взглянула, как Эйбл рухнул на пол.

Опрокинув на него стул и задрвав подол своего изодранного платья так высоко, как только можно, я ринулась к коридору, едва успев выскочить за дверь, прежде чем врезалась во что-то твердокаменное.

«Эмери, только ты, — упрекнула я себя, — можешь избежать изнасилования и врезаться в стену».

Я хваталась за все, что могла, чтобы не упасть. Дорогая ткань скользнула под ладонью, прежде чем мои пальцы вцепились в нее, слегка царапнув владельца костюма.

— Тише, Тигр.

Облегчение охватило меня, когда я узнала голос Нэша. Я сморгнула слезы, навернувшиеся на глаза, и смогла постепенно сфокусировать взгляд на Нэше. Время сыграло со мной злую шутку, пока я пыталась собрать его образ, словно лоскутное одеяло.

Нэш Прескотт был красавцем из комиссии: потрепанный и разбитый, он хранил в себе напоминание о чем-то прекрасном, когда смотрел на мир уставшими от войны глазами. Его презрение к Истриджу отражалось на его лице: жесткие черты и бесконечная ярость, которая обычно заставляла меня отводить взгляд.

Женщины Истриджа заискивали перед ним: мертвый взгляд и самоуверенная усмешка. Абсолютная мужественность, окутывавшая его, словно аромат дорогого одеколona. Но когда я смотрела на него, я *видела* нечто печальное. Бесценную рубашку с пятном на груди.

Это был словно комплимент для меня. Было что-то захватывающее в человеке, который видел мир, как он есть. Даже не видя красоты, он видел правду. И поскольку эта правда была выброшена на уродство и несовершенства, я, по большей части, боролась с искушением взглянуть на него.

Коварная ложка

И тем не менее, когда я была наиболее уязвима, я вдруг увидела его.

От явного гнева золотисто-карие глаза Нэша позеленели, словно аргонит и изумруд в калейдоскопе, цвета сменялись, и ни один не мог взять верх. С орлиным носом и полными губами, он был слишком красив, чтобы можно было к нему прикоснуться. И все же я не смогла бы разжать сомкнутые на его предплечьях пальцы, даже если бы попыталась.

Пряди иссиня-черных волос торчали во все стороны, как будто он не потрудился постричься. Коротко стриженные на висках, при этом длинные на макушке, они лежали длинными шелковистыми, небрежными волнами.

«Зарыться пальцами», — подумала я и смутилась, когда поняла, что произнесла это вслух.

Зарыться пальцами — провести по волосам того, кого любишь.

Слово пришло, словно землетрясение, внезапно и непредсказуемо, пошатнув мое и без того треснувшее основание.

Это было нелепо.

Я пялилась не на того Прескотта.

— Твоя мама послала нас за тиарой, — пояснил Рид из-за спины своего брата.

Рид. Мой лучший друг. Лучший игрок школы. Блондин с голубыми глазами, стопроцентно американский южный мальчик с очаровательным протяжным выговором и надежной улыбкой. С ямочками на щеках. По одной на каждой щеке, радующими всех, когда он улыбался.

Рид был тут, и я была в безопасности.

Осознание настоящего момента врезалось в меня так, что я отшатнулась. Казалось, прошел час с тех пор, как я столкнулась с Нэшем, но на самом деле все

Паркер С. Хантингтон

заняло не более десяти секунд. Нэш поддержал меня, пока я укладывала в голове слова Рида.

Мама послала их.

За тиарой.

Не за мной.

Я ничего не ответила.

Я не могла.

Эту ли правду, это ли уродство видел Нэш, отчего уголки его губ всегда оставались опущены? На мгновение я представила, как сбегу. Никакой подготовки к поступлению. Никакого Дьюкского университета. Никаких пронизанных ожиданиями перспектив стать дизайнером.

Нэш молчал. Его взгляд оценивающе пробежался по мне: растрепанные волосы, тушь на щеках, разорванное модельное пыльно-розовое платье, цвет, который казался милым, когда я вышла из дома, но сейчас смотрелся жалко.

Молчу.

Затаиваюсь.

Проклинаю.

Одними губами я произнесла слова, которыми любила себя успокаивать, позволяя им оформиться, но не выпуская в разрушенную вселенную.

Мои пальцы сжимали пуговицы Нэша, в которых я узнала пуговицы папиного костюма, но я не могла отпустить его. Даже когда мое разорванное платье начало медленно сползать с плеч.

— Ого, Эм. — Рид потянулся и поправил мой корсет.

Что бы он ни сделал, он закрепил его достаточно, чтобы тот перестал спадать, и все же я не могла выпустить руку Нэша.

— Эмери, — поправила я Рида. В моем тоне звучало спокойствие, которого я не ощущала. Отстраненность, в которой я отчаянно нуждалась.

Коварная ложка

Какой-то отдаленный уголок моего сознания вспомнил, что Рид всегда звал меня Эм.

Это было нормально.

Это было безопасно.

«Ты — Эм.

Ты — Эмери.

Ты в порядке».

— Эмери? — озабоченность в голосе Нэша была искренней.

Я вцепилась в это так же, как цеплялась руками за костюм. Костюм моего отца, он все еще пах папой: смесью кедра и сосны — запах, который поселился в груди. Бальзам на мои нервы. Я прижалась лицом к рубашке и вдыхала, пока не впитала в себя весь папин запах, оставляя единственное — запах Нэша Прескотта.

Цитрус. Мускус. Пьянящая ваниль, которая должна была казаться женственной, но не казалась. Хаос вытеснил все разумные мысли и лишил меня дара речи. Поэтому я сосредоточилась на запахе Нэша, пусть даже мне хотелось спрятаться от унижения под одеялом и никогда не показываться оттуда.

— Эмери... — снова начал Рид, но его прервала запахнувшаяся настежь дверь кабинета.

Скривившись, я склонила голову, приготовившись к удару.

«Прекрати, — приказала я себе. — Эйбл тебя не бил. Он разорвал твою платье, лапал тебя и швырнул на стол, но не бил».

Я пришла в себя, когда Эйбл застонал. Развернувшись как раз вовремя, чтобы увидеть, как он выходит из дверей, я нахмурилась, заметив, как он застегивает ширинку, и отпрянула от Нэша.

Злость подпитывала меня, накатывая в такт моему пульсу, пока кулак не сжался от желания ударить Эйбла. Я хотела дать ему пощечину. Наказать его. Лишить его достоинства. Унизить так, как он унизил меня. Я даже

Паркер С. Хантингтон

представила, как буду выглядеть в оранжевой робе, осужденная на двадцать лет за убийство, и все равно кинулась на Эйбла.

Я отстранилась от Нэша, одним прыжком преодолела разделявшее нас расстояние и ударила его по лицу. Дважды. Нэш встал передо мной, когда я замахнулась для третьей пощечины. Он схватил меня за руку и сразу же отпустил.

Не говоря ни слова, он вынул что-то из внутреннего кармана пиджака и сунул в карман брюк так быстро, что я заметила лишь коричневый отблеск. Он снял пиджак моего отца и набросил его мне на плечи. Никогда в жизни я еще не чувствовала себя таким ребенком.

— Отвези ее домой, Рид.

Нэш вложил в ладонь Рида ключи от своей старой «Хонды» и сжал пальцы Рида, когда тот хотел отказаться. Рид как-то сказал, что машина Нэша, вероятно, единственное, к чему он привязан. Но ключи от нее он отдал, не моргнув глазом.

Эйбл за спиной Нэша попятился, пытаясь ускользнуть, но Нэш схватил его за рубашку и подтащил обратно к нам.

— Нэш, — попытался остановить его Рид. Глаза его полыхали гневом, и в них сверкали агрессивные искорки, которых я никогда не замечала раньше.

Эта свирепость взволновала меня, хотя часть меня боялась, что таким он будет слишком похож на своего старшего брата. Мальчика, который, спотыкаясь, приходил на нашу кухню, чтобы взять льда для разбитых кулаков и синяков под глазами.

— Видела бы ты моего противника, — всегда говорил Нэш с самодовольной ухмылкой, прежде чем исчезнуть через черный ход, и мне приходилось щипать себя, чтобы убедиться, что это не галлюцинация.

Я слишком боялась его, чтобы ябедничать. Даже искушение съесть чашку мороженого без материнского

Коварная ложка

осуждения не могло заманить меня обратно на кухню. Я прекратила полуночные вылазки за едой вплоть до одной ночи, когда Нэш был арестован, и Рид сказал мне, что Бетти Прескотт заставила его поклясться, что он никогда больше не попадет в неприятности.

И он не попадал. Я могла есть свое мороженое в безопасности, а наш лед оставался в неприкосновенности. И с той ночи вплоть до сего дня я больше никогда не разговаривала с Нэшем Прескоттом, если, конечно, это все можно было бы назвать разговором.

— Отвези. Ее. Домой. — Нэш долго и пристально смотрел на Рида, прошла одна, две, три секунды, прежде чем Рид наконец кивнул.

Я осторожно выдохнула, осознав, что понятия не имела, что бы сделал Нэш, если бы Рид не послушал его, и мне вовсе не хотелось это выяснять. Мне понравилось то, как выражение лица Рида снова стало обычным, я была очень благодарна за это.

— Хорошо. — Он еще раз грозно взглянул на Эйбла. — Ладно. Хорошо.

Я почувствовала глоток свежего воздуха, когда Рид переплел свои пальцы с моими. Ощущение удушья исчезло, и его место заняло другое чувство. Как будто что-то вцепилось мне в грудь и вонзило в нее свои когти.

— Я в порядке, — заверила я Рида.

Но это было не так.

Я поняла, что это было за чувство.